

БОРИС КОВАЛЕВ

ИСПАНСКАЯ ДИВИЗИЯ

СОЮЗНИК ТРЕТЬЕГО РЕЙХА

1941 – 1945

Борис Ковалев

**Испанская дивизия – союзник
Третьего рейха. 1941–1945 гг.**

«Питер»

2020

УДК 355.48
ББК 63.3(0)62

Ковалев Б.

Испанская дивизия – союзник Третьего рейха. 1941–1945 гг. /
Б. Ковалев — «Питер», 2020

ISBN 978-5-4461-1637-9

Борис Ковалев – профессор, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук. В Великой Отечественной войне против Советского Союза сражались сотни тысяч солдат и офицеров из европейских стран – союзников гитлеровской Германии: Венгрии, Италии, Финляндии, Румынии. А также из Испании, которая, как известно, не принимала официального участия в войне. Испанская «Голубая дивизия» прибыла на Восточный фронт в октябре 1941-го, до августа 1942 года дислоцировалась в Новгороде и его окрестностях, откуда была перекинута под Ленинград, где принимала участие в кровопролитных боях с Красной армией. Именно упорное сопротивление солдат испанской «Голубой дивизии» зимой 1943 года не позволило снять блокаду Ленинграда на год раньше. В книге использованы многочисленные архивные документы, дневниковые записи и воспоминания испанских добровольцев, советских солдат и жителей оккупированных территорий, а также научные труды зарубежных исследователей.

УДК 355.48
ББК 63.3(0)62

ISBN 978-5-4461-1637-9

© Ковалев Б., 2020

© Питер, 2020

Содержание

Вместо введения	7
Долгая дорога до России	9
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Борис Ковалев
Испанская дивизия – союзник
Третьего рейха. 1941-1945

Утверждено к печати Ученым советом Санкт-Петербургского института истории РАН

Научные рецензенты:

Доктор исторических наук, профессор Веригин С. Г.

Доктор исторических наук, профессор Измозик В. С.

Доктор исторических наук, профессор Рупасов А. И.

© ООО Издательство «Питер», 2020

© Борис Ковалев, 2020

Вместо введения

Почему эта дивизия «голубая»? Я представляю себе нетолерантную с точки зрения «цивилизованных европейцев» усмешку на лице тех, кто впервые про нее услышал. Кто-то из более образованных специалистов поправит: «Синяя, а не голубая! Цвет испанской фирменной гимнастерки – синий!» Да, это так. Но именно «голубым» называли свое воинское формирование в документах на русском языке, адресованных мирному населению, а также в русскоязычной коллаборационистской прессе еще в 1941–1942 гг. военнослужащие из далекой страны, оказавшиеся под Новгородом и Ленинградом осенью 1941 г.

Следовательно, данное словосочетание можно рассматривать не только как устоявшийся термин, но и как самоназвание. В дальнейшем, во время боевых действий, оно было принято советской стороной, а после войны вошло в русский исторический язык.

Трудно сказать, когда я приступил к написанию этой книги: лет двадцать или всего год назад. В любом случае человеку, живущему в Санкт-Петербурге или Великом Новгороде, хорошо известно, что такое Голубая дивизия. Об этом напоминают и испанское военное кладбище в Панковке, и бабушки, до сих пор напевающие на испанском языке что-то из времен своего детства в оккупации. Мне, привыкшему к штампу «немецко-фашистская оккупация», непросто было осознать, что под Новгородом и Ленинградом воевало 45 482 испанских солдата! Из них навсегда остались в русской земле 4954 человека, а более 10 000 были ранены.

В октябре 2011 г. в Мадриде, в Университете Сан Пабло (Universidad San Pablo), прошла масштабная конференция, посвященная 70-летию образования Голубой дивизии. Собрались исследователи не только из Испании, но и из США, Великобритании, Германии, Португалии, Италии, России.

На этой конференции поражало наличие огромного количества исследований, посвященных различным аспектам истории этого воинского формирования: участию в нем капелланов, врачей, женщин, саперов и многих других. Некоторые из них показались мне несколько наивными. Война шла на территории нашей страны, а ее исследователи далеко не всегда представляли исторические реалии России и тем более не владели русским языком. Следовательно, они опирались лишь на испаноязычные источники, а те весьма специфичны и односторонни.

Лишь при анализе всего комплекса документов, относящихся к истории испанцев на Восточном фронте, находящихся в государственных и ведомственных архивах России, можно представить достаточно объективную картину событий тех лет. Русскоязычные источники должны помочь исследователям как из России, так и из Испании выявить новые факты в истории Голубой дивизии.

На сегодняшний день вышли десятки книг на испанском, английском, немецком и даже польском языках, посвященных истории этого испанского воинского формирования.

К сожалению, советско-российская историография не может продемонстрировать такую комплексность исследования. Лишь в последние годы относительно подробно стал изучаться вопрос об участии союзников Третьего рейха в войне против СССР.

Я не думаю, что эта книга понравится всем, потому что каждый ищет свою правду. Безусловно, внимательный читатель найдет ошибки и опечатки. Увы, для подобной работы, написанной на основе разноязычных источников и книг, это обычная проблема. Но самое главное для меня то, что эта книга выйдет, что она написана российским автором, на русском языке, для русского читателя.

*Профессор, доктор исторических наук
Борис Ковалев
Санкт-Петербург – Великий Новгород,*

сентябрь 2019 г.

Долгая дорога до России

Последняя крупная война, в которой принимала участие Испания, закончилась для нее поражением от США. В 1898 г. она потеряла Филиппины, Кубу и остров Гуам. В двух морских сражениях: недалеко от Филиппинских островов и в бухте Сантьяго у берегов Кубы – испанские эскадры были полностью уничтожены. Рассказывают, что командующий одной из них, адмирал Монтахо, воскликнул: «Испания предпочитает честь без кораблей кораблям без чести!» На практике испанцы не только лишились кораблей, но и осознали, что некогда великая Испанская империя осталась в прошлом.

Поражение в этой войне стало болезненным ударом по испанскому национальному самолюбию. Потеря колоний оказалась убедительным подтверждением экономической и политической отсталости страны. Появилось немало людей, мечтающих кардинально изменить свою родину. Они называли себя «поколение 1898 года».

Важной вехой в развитии государства стала Первая мировая война, в которой Испания заняла весьма выгодную для своей экономики позицию нейтралитета. Сражалась почти вся Европа, а за Пиренеями шла мирная жизнь. При этом оба воюющих лагеря крайне нуждались в испанском сырье и товарах. Однако кратковременный экономический подъем военных лет не мог разрешить глубоких социальных противоречий в стране.

Все это нашло отражение в расстановке политических сил. За годы войны Испания превратилась из весьма консервативной конституционной монархии в государство, в котором реальная политическая власть сосредоточилась в руках крупных предпринимателей. В то же время быстро усиливали свое влияние республиканцы. Единства среди них не было, но число их быстро росло.

Взаимная непримиримость охватывала Испанию снизу доверху: монархические партии, рабочие организации, где борьба между социалистами и анархистами довольно часто доходила до острых схваток на собраниях; крестьян, верящих в бога и в короля, и широкие слои демократически настроенной интеллигенции, прекрасно видевшей главные беды страны, но лишенной возможности что-либо изменить.

И снова на передний план политической борьбы выступили две традиционные силы Испании: армия и церковь. Армия в лице генералов рвалась к власти. Церковь, пытаясь идти в ногу со временем, устремлялась к земным делам – все активнее вмешивалась в светскую политику. Генералы видели себя спасителями нации. Армии и церкви предстояло сыграть огромную роль в надвигающихся острых социальных конфликтах. Они к этому готовились.

В 1916–1917 гг. в испанской армии возникла густая сеть так называемых «военных хунт», или «хунт обороны», объединявших большинство офицеров разных родов войск. Через эти хунты и шла подготовка многочисленного офицерского корпуса к выполнению своей «национальной» и «патриотической» миссии – борьбе против беспорядков и рабочих забастовок в защиту монархии. Военные хунты отражали стремление испанских генералов ликвидировать остроту политической обстановки в стране антиконституционными методами – путем военной диктатуры¹. Для повышения авторитета военных и монархии была крайне необходима «маленькая победоносная война».

Испанское правительство решило активизировать военные действия в Марокко. Наиболее воинственно настроенные генералы вместе с королем стояли за быстрые и решительные действия в Северной Африке. Этим и объясняется предпринятое генералом Ф. Сильвестре летом 1921 г. наступление в глубь Рифской области. 15-тысячный корпус испанской армии неожиданно обрушился на рифские племена, возглавляемые вождем Абд аль-Керимом.

¹ Испания. 1918–1972 гг. Исторический очерк. М., 1975. С. 10.

Испанские войска встретились с яростным сопротивлением рифов и 21 июля потерпели поражение под Аннуалом. На поле битвы остались тысячи убитых и раненых, 700 солдат и офицеров были взяты в плен. Испанские войска были вынуждены отступить. При отступлении погиб и генерал Сильвестре. Поражение при Аннуале ошеломило страну и вызвало бурю протестов. Неудача в колониальной войне свидетельствовала о слабости властей, о коррупции в ближайшем окружении короля, о низких боевых качествах испанской армии, о бездарности ее генералов².

Как эти события в Северной Африке напоминают ситуацию, сложившуюся в России после Русско-японской войны 1904–1905 гг.! Нам ведь тоже тогда казалось, что заведомо слабый враг будет быстро и легко разбит. Во многом в результате поражения в этой войне Российская империя была ввергнута в хаос первой русской революции. Нечто похожее происходило и в Испании, хотя последняя и выиграла войну.

Самые широкие слои населения требовали покончить с войной. Антимилитаристское движение охватило всю страну. Демонстрации протеста против войны проходили почти во всех городах и селах Испании. С огромными потерями война была закончена лишь к середине 1926 г. Воинской славы Испании она не прибавила, разве что сделала известными некоторых офицеров. Так, полковник Франсиско Франко в свои 33 года стал самым молодым генералом в стране.

Нестабильная экономическая и политическая ситуация привела к свержению монархии, установлению республики, а затем к кровопролитной гражданской войне 1936–1939 гг. В ней погибло 450 000 человек, более 600 000 эмигрировали. Пришедшие к власти фалангисты получили страну, разоренную войной.

Победа франкистов во многом была обеспечена поддержкой из-за рубежа: от нацистской Германии и фашистской Италии. Адольф Гитлер рассчитывал, что Испания, во-первых, вернет долг чести, выступив в войне на стороне Берлина, а во-вторых, не откажется от передела мира в свою пользу. Однако Франко так не думал. Он отлично осознавал, что его страна просто не выдержит еще одной крупномасштабной войны. Поэтому, когда началась Вторая мировая война, Испания приняла декларацию о нейтралитете (5 сентября 1939 г.). 13 июня 1940 г. она была объявлена «невоюющей страной». Гитлера это не устраивало.

19 июня 1940 г., разъясняя свои намерения, правительство Испании направило Германии меморандум, в котором обещало вступить в войну в будущем, «если в этом возникнет необходимость». Франкисты уточняли, что в качестве платы за такой шаг хотели бы получить Гибралтар, Французское Марокко и часть Алжира. В то же время Мадрид не брал на себя обязательства начать боевые действия немедленно³.

Чтобы получить согласие франкистов на проход своих войск через испанскую территорию, германское руководство пригласило в Берлин министра внутренних дел Испании Серрано Суньера. Однако Гитлер и Риббентроп не получили от него четкого ответа на вопрос, чем же конкретно франкистская Испания может помочь державам «оси» в начавшейся войне. Разозленный министр иностранных дел Германии назвал территориальные притязания Испании «нереальными». Гитлеровцы предъявили испанскому гостю счет на оплату испанского военного долга Германии, который, по их утверждению, достигал 378 миллионов рейхсмарок⁴.

Вот как описывает эту часть переговоров генерал Франц Гальдер: «Фюрер поднял вопрос об уплате Испанией долгов, которые она сделала в период гражданской войны (1936–1939 гг.).

² Там же. С. 21.

³ Красиков А. А. Испания и мировая политика. Полвека дипломатической истории. М., 1989. С. 40.

⁴ Там же.

Суньер ответил, что “испанцам непонятно подобное смешение идеализма и материализма”, что фюрер ведет себя, как “мелкий еврейский торгаш”»⁵.

Несмотря на все эти заявления, Франко начал торговаться с Гитлером об условиях, при которых Испания готова стать военным союзником Третьего рейха. Однако определенные имперские амбиции Мадрида при весьма неразвитой экономике страны, разрушенной гражданской войной, не устраивали Берлин.

23 октября 1940 г. в Эндайе, недалеко от испано-французской границы, состоялась единственная встреча Гитлера и Франко. Переводчик Гитлера Пауль Шмидт так описывает поведение испанского каудильо: «Сникли большие надежды Гитлера, почти наверняка предполагавшие и завоевание Великобритании. Франко придерживался мнения, что Англию можно завоевать, но тогда британское правительство и военно-морской флот продолжают войну из Канады при поддержке Америки.

По мере того как Франко излагал эти замечания спокойным мягким голосом, своей монотонной напевностью, напоминавшей призыв муэдзина к молитве, Гитлер становился все более беспокойным, беседа явно действовала ему на нервы»⁶.

Высокие стороны так, по сути своей, ничего не решили. Пауль Шмидт позднее вспоминал: «Кипя от ярости, Риббентроп поехал со мной на машине в Бордо, где находился ближайший аэродром...

Всю дорогу Риббентроп поносил “иезуита” Суньера и “неблагодарного труса” Франко, который “обязан нам всем, а теперь не хочет присоединиться к нам”. Подпрыгивания машины на ухабах, казалось, еще сильнее усиливали его досаду»⁷.

Но окончательный разрыв с нацистской Германией в планы Франко не входил, тем более что в начальный период Второй мировой войны события складывались для Берлина весьма благоприятно. Практически вся Европа была или покорена Третьим рейхом и его сателлитами, или находилась с Германией в союзнических отношениях. Летом 1941 г., после нападения Германии на Советский Союз, в испано-германских отношениях как будто вновь возродилась утерянная теплота. Испанская пресса встретила события 22 июня 1941 г. восторженными статьями.

Уже с первых недель войны вместе с вермахтом сражались против Красной армии солдаты Финляндии, Венгрии, Румынии, Италии, Словакии. В частях СС воевали добровольцы из Норвегии, Дании, Франции, Бельгии. Гитлер в целом принял предложение министра пропаганды Геббельса объявить начинающуюся войну против СССР «походом народов Новой Европы против ига большевизма».

В Испании также с большой помпой началась вербовка добровольцев для войны с Советским Союзом. Но 24 июня Франц Гальдер с известной долей скепсиса записал в своем дневнике: «Испанский легион еще не известно, когда будет сформирован и переброшен. Вооружение его нам лучше всего взять на себя»⁸.

На восьмой день после нападения Германии на Советский Союз германский генеральный штаб начал подсчет сил своих союзников, которые должны были быть задействованы на Восточном фронте: «Испания намеревается направить в Россию один легион численностью 15 000 человек. Мы хотим перебросить его в Рембертув (Варшава) и здесь вооружить»⁹.

Уже в первые недели в формирующуюся дивизию было подано заявлений примерно втрое больше, чем это было нужно. В телеграмме от 4 июля 1941 г. германский поверенный в

⁵ Гальдер Франц. Военный дневник. М., 1969. Т. 2. С. 187.

⁶ Шмидт Пауль. Переводчик Гитлера. Смоленск, 2001. С. 271.

⁷ Шмидт Пауль. Указ. соч. С. 273.

⁸ Гальдер Франц. Военный дневник. 1941–1942. М., 2010. С. 64.

⁹ Там же. С. 89.

делах Геберлейн сообщил в Берлин: «На призыв к вербовке в Голубую дивизию откликнулось в 40 раз больше добровольцев, чем это было необходимо. Сегодня окончательный отбор проведут все штабы корпусов»¹⁰.

Единственным, что вызывало тогда серьезную озабоченность у германских официальных лиц, причастных к созданию Голубой дивизии, была политическая благонадежность добровольцев. Вопрос об этом встал сразу же, как только дивизия начала передвижение на Восток через Германию и гитлеровцы смогли достаточно близко познакомиться с ней. В телеграмме от 20 августа гитлеровский дипломатический чиновник с тревогой сообщал из Берлина в Мадрид, что, по имеющимся сведениям, как во французские (пронацистские), так и в испанские добровольческие формирования пытаются проникнуть коммунисты с целью перехода к русским¹¹.

Да, безусловно, среди добровольцев были и бывшие республиканцы, противники режима Франко. Но считать первый призыв в Голубую дивизию «красным» ошибочно. Более того, вступающие в ряды добровольцев были в чем-то большими фалангистами, чем сам каудильо.

Почти все добровольцы либо являлись членами фаланги, либо активно сочувствовали ее платформе, причем каждый из командиров имел заслуги перед этим движением.

Старые фалангисты, «эксальтатос» (экстремисты), с трудом мирились с франкистской умеренностью и требовали копировать германский и итальянский образцы государственности, но их поползновения к эскалации режима встречали серьезный отпор со стороны властей. В июне 1941 г. появилась возможность избавиться от тех, кто «не настрелялся» в годы гражданской войны, отправив их подальше.

Из множества заявлений от добровольцев выбирали те, авторы которых считались наиболее беспокойными элементами, требовавшими бесконечно свершать революцию. Таким примером являются фалангисты-утописты с поэтическими талантами – Дионисио Ридруэхо и Агустин де Фокса. Их приняли в дивизию как будущих певцов многочисленных побед фалангистов «в мрачной стране большевизма». За поэтами последовали 6 госсоветников и 7 гражданских губернаторов, государственное творчество которых, видимо, не очень удовлетворяло Франко. Положительные решения принимались по заявлениям от членов студенческих лиг фаланги и от представителей прочих перманентно революционных общественных организаций¹².

Возможность участия в войне нового союзника нацистской Германии была встречена в Советском Союзе весьма негативно. Необходимо было собрать про него максимум информации как военного, так и пропагандистского характера. 24 февраля 1942 г. член Президиума Исполкома Коминтерна Дмитрий Мануильский получил подробный отчет из Главного политического управления РККА. Он был составлен полковым комиссаром Михаилом Бурцевым, известным советским пропагандистом, на основании опросов перебежчиков, допросов пленных, захваченных трофейных документов, дневников, а также данных, полученных разведывательными органами¹³.

Документ под общим названием «Об испанской “Голубой дивизии”» включал в себя три раздела:

1. Формирование «Голубой дивизии».
2. Путь дивизии от Испании до Новгородского фронта.
3. «Голубая дивизия» на фронте¹⁴.

¹⁰ Цит. по: *Пожарская С. П.* Тайная дипломатия Мадрида. Внешняя политика Испании в годы второй мировой войны. М., 1971. С. 108.

¹¹ *Пожарская С. П.* Указ. соч. С. 108–109.

¹² *Креленко Д. М.* Краткая хроника Голубой дивизии // Доклады Академии военных наук: Военная история. № 3 (15). Академия военных наук. Поволжское отделение. Саратов, 2005. С. 46.

¹³ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 495, Оп. 77. Д. 32. Л. 1–58.

¹⁴ Там же. Л. 2.

О первых днях Голубой дивизии рассказывалось следующее: «Через несколько дней после предательского нападения Германии на СССР министр иностранных дел Испании Серрано Суньер в речи, произнесенной с балкона здания национального комитета испанской фаланги на улице Алкала, 42 в Мадриде перед демонстрацией испанских студентов, призвал испанское юношество к борьбе против коммунизма, к защите святой религии, присоединению к всеобщему крестовому походу против большевизма»¹⁵.

В объявлениях о вербовке сообщалось, что с 27 июня по 2 июля будет производиться запись фалангистских добровольцев, «желающих сражаться против Советской России». Далее указывалось: «Записываться могут все члены фалангистской партии, желающие принять участие в славном крестовом походе. При записи предпочтение отдается:

1. Бывшим фронтовикам из националистической армии.
2. Бывшим пленным.
3. Товарищам-фалангистам, неопровержимо доказавшим свою преданность Испании. Желательный возраст: 20–28 лет.

За добровольцами остается право на работу, выполняемую к моменту записи (зарплата будет в течение всей войны выдаваться семьям записавшихся). Кроме того, записавшиеся получают пособие на обмундирование, специальную ссуду, пособие на семью, а их родные – пенсию для вдов, сирот и т. д.

Конкретно это выражается в следующем:

- а) 1000 песет выплачивается единовременно в момент записи в Голубую дивизию;
- б) зарплата, которую они получали к моменту записи, а у безработных 7.30 песеты (жалованье легионеров), будет выплачиваться в Испании родственникам записавшихся»¹⁶.

Особое внимание уделялось денежному содержанию добровольцев. В докладе «Об испанской добровольческой, так называемой “Голубой дивизии”», предназначенном для советского руководства, об этом говорилось следующее: «Вознаграждение, выдаваемое германской армией добровольцам, таково (приводимые данные касаются рядового солдата и, разумеется, соответственно изменяются для унтер-офицеров и офицеров):

А. Жалованье военного времени – 60 марок в месяц холостякам и 90 женатым. Эти последние, кроме того, получают по 18 марок в месяц на каждого члена семьи моложе 17 лет. Жалованье это не выдается наличными, а заносится на текущий счет солдата или выплачивается членам его семьи по указанию добровольца. Сам доброволец не может по своему усмотрению распоряжаться этими деньгами на территории, занятой германской армией. Выдача жалованья родственникам добровольца наличными или в форме перевода на текущий счет будет совершаться в Испании.

Б. Полевая прибавка – 36 марок в месяц для рядового солдата. Эти деньги будут выплачиваться каждому солдату еженедельно, и он может свободно расходовать их в любом пункте военных операций, в германской империи или в оккупированной зоне.

В. Фронтальная прибавка – одна марка в день на человека. Эти деньги выплачиваются только за те дни, которые данное лицо или воинская часть, к которой оно принадлежит, находится непосредственно в сфере военных операций»¹⁷.

Любопытно отметить, что в отношении выплаты военного жалованья испанский совет министров установил 10 октября 1941 г. следующие нормы: «...Поскольку принятое в германской армии нормальное жалованье запрещается расходовать в зонах военных операций и в оккупированных областях, оно выдается семьям добровольцев, к испанской дивизии эта мера относиться не может, так как германскую валюту запрещается вывозить из Германии точно так

¹⁵ РГАСПИ. Ф.495, Оп. 77.Д.32.Л. 2.

¹⁶ РГАСПИ. Ф.495, Оп. 77.Д.32.Л.42.

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 495, Оп. 77. Д. 32. Л. 42–43.

же, как испанскую из Испании. Для урегулирования этого вопроса принимаются следующие меры:

1. Испанское правительство выделяет сумму в песетах соответственную той, которая подлежит выплате испанцам из Голубой дивизии. Эта сумма, размер которой будет определен в порядке расчетов между Испанией и Германией через органы информации и связи, по приблизительным подсчетам составит 12,5 млн песет в месяц. Поскольку деньги родственникам добровольцев будут переводить испанские органы, вышеуказанная сумма должна быть передана им.

2. С другой стороны, германское правительство кредитует счет испанского правительства в германских марках на сумму, соответствующую приблизительно 12,5 млн песет...»¹⁸.

М. Бурцев отмечал важную роль средств массовой информации в деле формирования дивизии: «На следующий день испанская пресса начала усиленную кампанию за вербовку добровольцев, были организованы вербовочные участки по всей стране, даже на Балеарских и Канарских островах и в испанском Марокко. Для того чтобы привлечь больше добровольцев в дивизию, широко публиковались сводки и победные репортажи германского командования об уничтожении Красной Армии и крахе большевизма»¹⁹.

Советских политработников особо интересовали причины, заставившие испанскую молодежь отправиться на Восточный фронт. Одной из них назывались деньги: «Добровольцам обещали выплатить единовременно 1000 песет, работавшим – сохранить их заработок, а безработным – выплачивать по 7½ песет в день. Кроме того, добровольцы должны были с начала кампании получать 60 марок в месяц»²⁰.

Признавалась особая роль фаланги в процессе вербовки: «Для обеспечения успеха вербовочной кампании была мобилизована организация фалангистов. Фаланга рассылала циркулярные письма всем организациям и частям регулярной армии, сообщая разверстку, сколько добровольцев должна выделить каждая организация фаланги и каждая воинская часть»²¹.

Одним из вопросов, который задавался испанским военнопленным в 1941 г., был вопрос о причине их появления в добровольческой дивизии. Понятно, что многие из них утверждали, что были зачислены в Голубую дивизию насильно: «Военнопленные испанцы рассказывают, что командир регулярной части собрал солдат в казармах и предлагал отправиться добровольцами с “Голубой дивизией”, но часто таких не оказывалось, и тогда командование части назначало “добровольцев”»²².

Военнопленный Рафаэль Наварро Мульос, 20 лет, рассказывает: «Я был в Кастельоне, одной из наиболее поздно завоеванных Франко провинций Испании, в ней мало было желающих вступить в “Г. Д.”. Тогда командир полка назначил несколько “добровольцев”, в том числе и меня»²³. М. Бурцев этим утверждениям и верит, и не верит: «В июне 1940 года были мобилизованы в армию Франко призывники так называемой “Красной зоны”, т. е. бывшей республиканской территории. Если в июне 1940 года был мобилизован призыв 1936 года, то в 1941 году был призван ряд возрастов, включая также и призыв 1942 года.

Однако несомненно, что, за исключением отдельных возможных случаев принудительного направления в “Г. Д.”, все солдаты являются добровольцами. Одни вступили для того, чтобы достигнуть высоких постов и наград (офицеры), другие – для завоевания себе славы и

¹⁸ Там же.

¹⁹ РГАСПИ. Ф. 495, Оп. 77. Д. 32. Л. 2.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² РГАСПИ. Ф. 495, Оп. 77. Д. 32. Л. 2–3.

²³ Там же.

преимущественного положения (фалангисты), а третьи, их большинство, из-за денег – получение обещанных 1.000 песет и других сумм»²⁴.

В справке, предназначенной для руководителей Коминтерна, рассматривался вопрос, как случайный человек или человек, отрицательно относящийся к режиму Франко, может стать «добровольцем»: «По заявлению одних военнопленных, для поступления в “Г. Д.” требовались рекомендации местной фалангистской организации, по заявлению других – требовались рекомендации благонадежных фалангистскому режиму людей, по заявлению третьих – не требовалось никаких бумаг»²⁵.

Первый из перебежчиков, Антонио Пеламо Бланко, заявил, что он представил рекомендации от солдата – инвалида фалангистской армии и от одного знакомого, приверженца правых партий; другой, Эмилио Родриго, утверждал, что поступил в дивизию без всяких рекомендаций.

Для советских пропагандистов образца 1941 г. огромную роль играло социальное происхождение солдат противника. Недаром практически во всех листовках, адресованных немецким военнослужащим, а также союзникам Третьего рейха, напечатанных летом 1941 г., говорилось следующее: «Вы воюете против единственной страны социализма, в которой трудовой народ во время Октябрьской социалистической революции уничтожил власть капиталистов и помещиков»²⁶. Поэтому при анализе состава Голубой дивизии обращалось внимание на следующее: «В Мадриде было завербовано 3500–4000 человек, почти все они из столицы. Из них был сформирован полк “Родриго”, по имени командира. Большинство солдат, завербованных в Мадриде, являются фалангистами. Также среди испанских военнослужащих имеется много деклассированного элемента.

Любопытно отметить, что из пяти военнопленных из Мадрида двое являются стопроцентными фалангистами, а трое других являются деклассированным элементом. По профессии: один занимался подноской чемоданов за чаевые, другой – продажей зелени на улице, третий – чисткой обуви»²⁷.

В СССР была еще свежа память о гражданской войне на Пиренейском полуострове. В Главном политическом управлении Красной армии с удовлетворением отмечали: «Кроме того, один из перебежчиков заявил, что среди завербованных имеются также члены Испанской компартии и объединенной партии социалистической молодежи, которые поступили в дивизию с целью перейти к нам»²⁸.

Но участники с подобными убеждениями были скорее исключением из правил. В докладе отмечался достаточно большой процент профессиональных военных. «Полк “Родриго”, состоявший в основном из фалангистов, подвергся реорганизации в Германии, в Графенвере. Из него были образованы части противовоздушной обороны, связи, транспорта, интендантской службы и другие. В Севилье был организован другой полк дивизии из завербованных в Андалузии, Острамадуре (Так в источнике. – Б. К.), Марокко и Канарских островах. Это был полк “Эспарса”. Почти все офицеры этого полка раньше служили в марокканских частях.

Характерным для этого полка является наличие большего числа молодых крестьян из Андалузии и Эстрамадуры (Так в источнике. – Б. К.). Это неграмотные или малограмотные солдаты 18–24 лет. Некоторые из них состояли в армии Франко во время гражданской войны,

²⁴ Там же.

²⁵ РГАСПИ. Ф. 495, Оп. 77. Д. 32.

²⁶ Бурцев М. И. Прозрение. М., 1981. С. 38.

²⁷ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 77. Д. 32. Л. 3

²⁸ Там же.

другие, более молодые, никогда не были в армии. Попавшие в плен солдаты 269 пехотного полка дают полную картину состава этого полка»²⁹.

В отчете М. Бурцева выделяется несколько причин, способствовавших формированию испанской дивизии: идеологические, карьерные, экономические. «В Бургосе был сформирован 262 полк “Пиментель”, составленный, в основном, из фалангистов, завербованных в Бургосе, Вальядолиде, Авила, Сеговия (Так в источнике. – Б. К.) и среди Наваррских Рекетистов (фалангистов) из Галисии, Басконии и около 300 человек из Сантандера. Многие из них – молодые рабочие.

Один из перебежчиков рассказывает, что в связи с большим пожаром в Сантандере многие рабочие остались без крова и средств к жизни, что вынудило их поступить в дивизию»³⁰.

Неодинаково проходила вербовка в Голубую дивизию в различных районах Испании. Хуже всего было в Каталонии: «Третий полк 263-й “Вьерна” был сформирован в Валенсии из завербованных солдат из Леванта, Каталонии и Альмерии. Из того немногого, что известно об этом полку из показаний военнопленных, явствует, что фалангисты испытывали большие затруднения при формировании его, и его пришлось доукомплектовывать “добровольцами” из регулярных частей.

Наибольшие затруднения встретились в Барселоне. Здесь пришлось широко открыть двери для всех желающих и отказаться от рекомендаций. Можно пересчитать по пальцам “добровольцев” из Барселоны. В этом полку много фалангистов из Мурсии и Валенсии, т. к. этот полк мало находился на передовых линиях, его потери наименьшие и число пленных этого полка наименьшее.

Численный состав дивизии, по различным данным, колеблется от 18 до 20 тысяч человек. После формирования в четырех указанных городах в начале июня дивизия прошла небольшую военную подготовку, состоящую главным образом из маршировки, и 13–14 июля 1941 года погрузилась для выезда в Германию»³¹.

В целом советские политические органы рассчитывали на то, что антифашистская пропаганда, направленная на испанских солдат, будет весьма действенной: «Командиром дивизии является генерал Муньос Грандес. Несмотря на наличие в составе дивизии большого числа фалангистов из деклассированных элементов, в дивизии очень много сельскохозяйственных рабочих, очень молодых и политически неразвитых, привлеченных в дивизию обещаниями денежных премий и фалангистской пропагандой.

Среди фалангистов имеется значительная пропорция молодых служащих и студентов 17–22 лет, охваченных жадой авантюризма. В связи с таким разношерстным составом трудно ожидать хорошей военной подготовки и политически крепкой воинской единицы»³².

Конечно, очень приятно выдавать желаемое за действительное. Но не в условиях войны. Когда у советских спецслужб накопился дополнительный материал о процессе формирования Голубой дивизии, был подготовлен еще один документ: «В результате опроса военнопленных и перебежчиков выяснилось, что порядок набора в дивизию представляется следующим: он производится в разных городах: Мадриде, Малаге, Севилье, Сантандере, Кадисе и т. д. Некоторые испанцы также называют пунктом формирования Бургос. Отбор производится довольно тщательно. Так, например, по показаниям Мариано де ля Торре Махалеро, на 100 человек его роты направлено было 30 человек, но из них только 14–15 отобрано в Голубую дивизию. Остальные возвращены в свои части (не брали близоруких, венериков и других больных).

²⁹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 77. Д. 32.

³⁰ Там же.

³¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 77. Д. 32. Л. 4.

³² РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 77. Д. 32.

Что касается “добровольности” набора, то, по словам этого же солдата, “сначала сказали – идите, а потом заявили, что мы – добровольцы”.

При вербовке солдатам и вновь набираемым заявили, что они идут вместе с немцами драться с большевиками, причем они придут на территорию, уже оккупированную, “возьмут испанских детей, которых большевики мучают”, “пройдут парадом по Москве” и вернутся»³³.

Сам процесс вербовки представлялся советской стороной в менее выгодном для нее свете: «Чтобы обеспечить успех вербовки, была мобилизована испанская фаланга. Руководство фаланги разослало всем организациям и воинским частям циркулярное письмо с указанием числа добровольцев, приходящихся на них по разверстке.

Однако если и были случаи насильственного зачисления в дивизию, они не меняют того факта, что большинство завербованных действительно являются добровольцами, в числе которых основное ядро составляют активные фалангисты (студенты буржуазного и мелкобуржуазного происхождения, сыновья землевладельцев, функционеров и бюрократов фаланги, чиновников из государственного аппарата, некоторое число аристократов и т. д.). По крайней мере, к такому выводу можно прийти на основании тех данных, которые имеются о вербовке»³⁴.

Во время вербовки в Голубую дивизию в каждом регионе страны была своя специфика: «В Мадриде завербовано было примерно 3.500 добровольцев, из коих был образован полк “Родриго”. (Так звали командовавшего этой воинской частью полковника). Почти все добровольцы происходили из столицы. Только ничтожное меньшинство составляли крестьяне из провинции.

Мадридские добровольцы – это в большинстве своем активные фалангисты (студенты, функционеры фаланги из фашистских массовых организаций, государственные чиновники, некоторые аристократы и т. д.). Командный состав в своей значительной части принадлежал к офицерам фалангистской милиции. Кроме того, в дивизию вошло некоторое число авантюристов и люмпен-пролетариев. Об этом дает представление состав военнопленных мадридцев. Из пятерых двое являются фалангистскими студентами, а остальные трое – это посыльный, чистильщик обуви и лотошник, торгующий вразнос фруктами.

В Севилье был сформирован полк “Эспарса”. Здесь среди добровольцев преобладают необразованные, культурно и политически отсталые люди. Имеется довольно значительное число неграмотных и малограмотных андалузских и эстремадурских крестьян 18–23 лет, многие из которых уже служили в армии Франко во время войны. Почти все офицеры служили в легионе и в марокканских колониальных войсках. В Малаге добровольцев, видимо, оказалось очень много. Один из пленных, фалангист, говорит, что там население остается красным и, чтобы набрать намеченное по разверстке число добровольцев, пришлось обратиться к армии.

В Бургосе сформировали полк “Пиментель”. Записались главным образом фалангисты.

В Валенсии сформировался полк “Виерна”. В этой обширной зоне еще труднее, чем в других, было набрать нужное число добровольцев, и недостающих пришлось завербовать из числа военнослужащих. Мало добровольцев дали Кастельон, Альбасете, Таррагона, Лерида и Аликанте. В своем большинстве они фашисты и авантюристы. Валенсия и Мурсия дали много добровольцев из числа студентов, сыновей землевладельцев и т. д., почти сплошь фашистов и кадров фаланги.

В Каталонии завербовано было мало каталонцев. Большинство записавшихся – это проживающие в Каталонии выходцы из других частей Испании.

В Барселоне как будто бы тоже не удалось собрать намеченное число добровольцев, так что пришлось записывать всех желающих»³⁵.

³³ Там же. Л. 37.

³⁴ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 77. Д. 32. Л. 43–44.

³⁵ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 77. Д. 32. Л. 44–45.

В предвоенном Советском Союзе было распространено убеждение, что любая война против первого в мире государства рабочих и крестьян обречена на провал. Это объяснялось классовой дружбой всех трудящихся Земли. Поэтому в отчетах всячески отмечались факты, подтверждающие эту теорию: «Имеются такие сведения о том, что гражданское население всячески выражало добровольцам свое неодобрение. Например, в Лериде им не продавали ни табака, ни продовольствия и оскорбляли их. Пленные подтверждают, что каталонцев, записавшихся в дивизию, можно перечесть по пальцам. В этом полку есть немало солдат из сыновей чинов гражданской гвардии. Что касается военнослужащих, то они принадлежат к тем, кто хотел сделать карьеру в армии»³⁶.

Документ заканчивался словами о том, что «всех имеющихся данных недостаточно, чтобы составить себе точное представление о дивизии, но приблизительно можно сказать следующее:

- а) 50–60 % составляют фалангистские кадры и активные члены фаланги;
- б) 20–23 % – это авантюристы, деклассированные элементы, а также унтер-офицеры и офицеры армии, желающие сделать карьеру;
- в) 15–20 % составляют отсталые крестьяне и безработные, обманутые фалангистской пропагандой насчет легкой войны и записавшиеся в “Голубую дивизию” в поисках выхода из затруднительного экономического положения;
- г) ничтожная часть “добровольцев” записалась с намерением перейти на сторону Красной армии, но число таких столь невелико, что установить его не представляется возможным. Большинство перешедших до сих пор на нашу сторону не помышляли об этом, пока не дали себе почувствовать тяжелые условия на фронте, пока не начались морозы и Красная армия не начала обрушивать мощные удары на противника.

Общее число солдат Голубой дивизии по доставленным нам сведениям определяется в 15–16 тысяч.

Об этом предварительном периоде формирования Голубой дивизии можно сделать следующий важный вывод: незначительное, минимальное участие представителей основных слоев испанского населения (рабочего класса и крестьянства). В дивизии совершенно не представлены рабочие крупной промышленности. Нет в ней также рабочих из других основных отраслей производства (металлистов из Басконии и Каталонии, горняков из Астурии, текстильщиков из Каталонии).

Не менее важно и отсутствие в дивизии представителей национальностей (каталонцев, басков, галисийцев). Как указывалось выше, в Барселоне были завербованы главным образом проживавшие там не каталонцы. По выражению пленных, “каталонцев же можно было перечесть по пальцам”. Очень немного было басков и галисийцев.

Подавляющее большинство солдат Голубой дивизии – это кастильцы и андалузцы, а затем меньшее число наваррцев, валенсийцев и т. д.»³⁷.

В советских документах был весьма подробно рассмотрен долгий путь дивизии из Испании до «новгородского фронта»: «Этот период существования “Голубой дивизии” (14.07–15/20.10.1941 г.) распадается на три этапа:

1. Поездка из Испании в германский учебный лагерь – 4 дня.
2. Период обучения в германском лагере – 35 дней.
3. переброска из германского лагеря на новгородский фронт – 53 дня»³⁸.

В процессе допросов военнопленных советское командование интересовало взаимоотношения испанцев с немцами, а также с народами покоренных гитлеровцами стран: «13–14.07.

³⁶ Там же. Л. 45.

³⁷ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 77. Д. 32. Л. 45–46.

³⁸ Там же. Л. 46.

дивизия отправилась в Германию в испанском обмундировании и красных беретах, но без вооружения. На пути, еще в Испании, в одних пунктах дивизию встречали с оркестрами и приветствиями, в других – солдат наделяли подарками. Зато в “дневниках” некоторых добровольцев отмечено, какую холодную встречу им устроили, например, в Вальядолиде и Бургосе, где на станции никого не оказалось. Зато не было недостатка в таких отзывах в адрес добровольцев, что они – сумасшедшие или самоубийцы. Так, в Мадриде популярностью пользовалась поговорка: мы получим хлеб тогда, когда Голубая дивизия будет размолота в муку на русском фронте.

На франко-испанской границе дивизия была встречена плакатами: “Германская армия приветствует Голубую дивизию”. Но французское население встретило “Г. Д.” с заметной враждебностью. Один немецкий офицер во Франции сказал добровольцам: “Эти французы продолжают держаться единого (народного) фронта”. В некоторых местах население встретило проходившую дивизию поднятием вверх кулака (знак антифашистов. – Б. К.), на что испанские солдаты ответили ругательствами в адрес французов. В других местах дело доходило до скандалов. Французы бросали камни в дивизию, солдаты в ответ бросали пустые бутылки, стреляли из пистолетов в толпу и ранили нескольких французов»³⁹.

Первый контакт немцев и испанцев описывался весьма негативно: «13 июля дивизия прибыла в Графенвер (Бавария), прием был оказан сердечный, но он не носил помпезного характера, как ожидали некоторые добровольцы.

В Графенвере вся дивизия была подвергнута медосмотру. 150 человек были отправлены в Испанию как больные венерическими заболеваниями. В Графенвере начались разногласия и стычки между испанцами и немцами в публичных домах и пивных.

Испанские сержанты изнасиловали нескольких немок. Ходили слухи, что их расстреляют, но потом об этом перестали говорить. 8 августа произошел ряд стычек между испанцами и немцами в пивных. В одной из пивных завязалась ссора. Немец, чтобы запугать “гостей”, замахнулся ножом и воткнул его в стол. Тогда испанец схватил пивную кружку и разбил ее об голову местного жителя. После этого испанцев вышвырнули из пивной.

Также регулярно возникали ссоры между сержантами и фалангистами, которых сержанты не любили»⁴⁰.

Но в целом испанцы достаточно быстро стали вполне боеспособным военным формированием. «Сразу же в Графенвере дивизия получила германское обмундирование и вооружение и приступила к военной подготовке. Были организованы специальные противотанковые, зенитные, пулеметные, артиллерийские и пр. подразделения. Дивизия была организована по германскому образцу. Начинались военные занятия, теоретическая и практическая подготовка, причем все инструкторы были немцы.

Добровольцев обучали маршировке, стрельбе и разборке винтовки, гранатометанию. Кроме того, с ними проводились тактические занятия и теоретические беседы.

В каждом батальоне был священник, но так как немцы не признавали принятого в Испании порядка, согласно которому полковой священник является капитаном, то эти священники числились рядовыми.

31 июля добровольцы принесли присягу германскому знамени и присягнули на верность Гитлеру. Немецкий полковник произнес речь, а командир дивизии генерал Муньос Грандес в своем ответном слове сказал (слова эти зафиксированы в одном из трофейных дневников. – Б. К.): “Фалангисты в нашей дивизии – это цвет моего отечества...”

³⁹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 77. Д. 32. Л. 4.

⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 77. Д. 32.

Единственное, чего мы хотим, это чтобы среди молчаливых могил на русских полях были и испанские могилы”»⁴¹.

1 августа Франц Гальдер записал в своем дневнике: «Прибыл Испанский легион. Он состоит из четырех добровольческих пехотных полков и одного артиллерийского полка.

Укомплектован исключительно участниками войны. Командир легиона Муньос Грандес»⁴².

22 августа дивизия оставила графенверские лагеря и погрузилась в вагоны для следования в Сувалки (Польша). Испанцы рассчитывали на быструю победу над Россией, после которой они со славой вернутся домой. Но верховное главнокомандование вермахта уже рассматривало их родину в качестве будущего поля боя (чего, кстати, так боялся Франко). «Только после исключения России как военного фактора можно будет при возможной поддержке Франции и Испании начать в крупных масштабах борьбу против Англии на Средиземном море и в Атлантическом океане.

Однако даже в том случае, если Россия в основном будет разгромлена в этом году, мы будем иметь соответствующие сухопутные войска и авиацию для решающих операций на Средиземном море, в Атлантическом океане и на территории собственно Испании только весной 1942 г.»⁴³.

В Сувалках было произведено дополнительное вооружение Голубой дивизии. Отсюда 26 августа она отправилась на фронт походным порядком по маршруту Сувалки – Витебск – Новгород, т. е. испанские солдаты прошли пешком по дорогам Польши, Литвы, Белоруссии и России почти 1000 км. Этот поход длился с 28 августа до 14 октября, когда дивизия дошла до Новгорода.

О прибытии нового союзника доложили командующему группы армий «Центр» во время вторжения в СССР генерал-фельдмаршалу фон Боку. 3 сентября он записал в своем дневнике: «Среди всех этих пертурбаций, стоивших мне немало нервов, единственным приятным событием был приезд офицера фельдсвязи, сообщившего мне о приближении испанской дивизии. Его рапорт показался мне забавным, так как он сказал мне примерно следующее: “С точки зрения испанцев, заботиться о лошадях – значит их перекармливать. Кроме того, эти парни режут новую упряжь на брючные ремни и подтяжки, а коробки от противогазов используют в качестве котелков для варки кофе. Из стекол к противогазам они делают автомобильные очки, а винтовки часто сбывают на сторону. Если у испанца мозоли, он прорекает в сапоге дырки, чтобы ноге «было вольно». Из-за прокола в шине испанцы бросают почти новые велосипеды на обочине дороги, а пулемет MG-34 частенько собирают с помощью молотка. «Лишние» детали, которые остаются после сборки, закапываются в землю”»⁴⁴.

Вскоре в руки советских чекистов попали трофейные документы, в частности дневники, которые вели испанские офицеры в первые месяцы войны. В одном из них этот многодневный марш описывался так: «Этот тяжелый поход, который закончится переутомлением и неспособностью двигаться дальше, сопровождается недостатком пищи. Мы едим только благодаря ограблению населения в пути. Из 25 лошадей, которых мы имели в начале похода, осталось только 7, так как нечем их кормить и они передохли в дороге. То же происходит и с людьми: слабые остаются в госпиталях или грузятся на повозки. Грустно смотреть, как многие ребята ковыляют сзади, обессиленные, желающие идти, но не могущие идти.

Мне удалось проехать только 15 км, а затем целый день был без пищи, отчего потерял сознание. Должен отметить, что когда мы выезжали из Мадрида, многие из нас были подлин-

⁴¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 77. Д. 32. Л. 4–5.

⁴² Гальдер Франц. Указ. соч. С. 246.

⁴³ Там же. С. 367.

⁴⁴ Фон Бок Федор. Я стоял у ворот Москвы. М., 2006. С. 156.

ные добровольцы, а теперь, если бы генерал разрешил, многие желали бы вернуться в Испанию. Мы – как дикие животные. Дисциплина упала.

Имеются сотни и сотни случаев болезней от переутомления и недоедания. Голодные, оборванные и с упавшим духом добровольцы подошли к Новгороду после похода, длившегося 47 дней»⁴⁵.

В результате длительных переходов, дождей и первых холодов из строя выбыло 800 человек. Многие повредили ноги, многие заболели. Не замедлили появиться и вши. В Новгород дивизия прибыла, как уже указывалось, после 47-дневного перехода, основательно изголодавшаяся, в изношенной обуви, в рваных шинелях. Конечно, большинство выбывших из строя скоро оправились, но моральное состояние добровольцев пострадало. К тому же в пути были отмечены первые случаи дезертирства⁴⁶.

Важно констатировать следующий факт: в Польше местное население отнеслось к дивизии еще хуже, чем во Франции. Об этом свидетельствует приказ, изданный 2 сентября командующим дивизией генералом, который запрещал испанцам разговаривать с поляками и евреями, потому что, «как показала практика, в результате такого общения польское население совершает нападение на солдат.

Кроме того, объясняли командиры своим подчиненным, среди населения есть шпионы, пытающиеся выяснить, куда направляется дивизия. Был уже случай, когда минировали дорогу, в результате чего в полку “Виерна” пострадал 21 солдат.

Возможны также действия красной авиации против испанской дивизии, если она заранее будет знать ее маршрут и остановки. Ввиду этого командиры отдельных частей дивизии должны в населенных пунктах, на остановках, на перекрестках дорог и т. п. принимать все меры к тому, чтобы гражданское население не могло выяснить название части, характер вооружения и другие данные, могущие интересовать врага.

Во избежание нападений, о которых говорилось выше, в тех случаях, когда дивизия ночует в населенных пунктах, запрещается ночью выходить из помещений без разрешения начальника части»⁴⁷.

По дневнику солдата 269-го пехотного полка Антонио Руиса Куэста, захваченного в качестве трофея, можно «изнутри» проследить весь путь Голубой дивизии в Россию. Он начинается с первого дня июля 1941 г.: «1.7 – 28 июня 1941 года я и еще три товарища одни из первых записались добровольцами в “Голубую дивизию” в районном пункте Чамбери. После записи нас направили в районное отделение милиции для медосмотра»⁴⁸.

Армия – не место для шуток и штатского фрондерства. Еще в Испании добровольцы начали знакомство со спецификой армейского воспитания: «6.7 – Капитан Гаррон бил по морде одного товарища за то, что он вышел из строя без разрешения.

8.7 – В 6.00 совершали марш по окрестностям Пардо. Для всех желающих была баня. После похода в казарме нас снова построили. Исчезла вечная ручка. Лейтенант сказал, что до тех пор, пока не будет найдена ручка, никто не выйдет из казармы. Товарищ У седа в этот момент свистнул. Он не имел никакого желания шутить. Наоборот, он был испуган, капитан Гаррон его уже однажды бил по морде»⁴⁹.

Однако подобные конфликты не повод для серьезных огорчений. Ведь вся страна с любовью смотрела на своих героев: «8.7. – Сегодня был медосмотр. Осматривали не так строго, как мы ожидали. Отклонили только четверых.

⁴⁵ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 77. Д. 32. Л. 5.

⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 77. Д. 32. Л. 48.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 77. Д. 32. Л. 24.

⁴⁹ Там же.

13.7. – В 5.00 батальон сосредоточен в казарме. В 20.30 батальон с песнями выходит из казармы. На вокзале полно народа. В течение часа слышатся приветствия. Приветствуют Франко и фалангу. Публика преподносит подарки: папиросы, цветы, открытки и т. д. В 11.15 среди энтузиазма и под звуки песен поезд трогается»⁵⁰.

Первые часы их дороги в сторону России прошли в духе русской традиции поведения в поездах – за активным поглощением разнообразной пищи: «Мы принимаемся за еду. В 12.30 приехали в Эскориал, где нас встречали с оркестром.

Товарищ Чаперон обожрался фасолью, поэтому его весь день тошнило»⁵¹.

Первые разочарования ждали добровольцев на границе между Испанией и Францией. Французы неподобающе вели себя по отношению к «испанским героям». «С песнями мы прощаемся с Испанией и проезжаем через интернациональный мост. В Андоайне нас встречает военный оркестр. На вокзале вывешен лозунг: “Германская армия приветствует испанских добровольцев”. Проезжаем Сен-Жан-де-Люз, Биарриц, Байонну. Во всех местах можно заметить, что французы – плохой народ. Они грозят нам и встречают приветствиями: “Рот фронт”.

Один товарищ разбил бутылкой голову одному французу. Я также швырнул бутылку в другого, но не попал. Нам выдали по 40 франков. Купили 1 кг с четвертью абрикосов и бутылку коньяка. За все заплатили 110 франков»⁵².

Наконец негостеприимная Франция осталась позади. Добровольцев встречал Третий рейх: «16.7. – В три часа утра, немного не доезжая германской границы, получили макароны, хлеб, одну сигару и чай с лимоном. В 9 часов утра приезжаем в Страсбург, где нас встречали с оркестром. Немецкий Красный крест нас угощал кофе и чаем.

Начиная с этого пункта, мы следуем по германской территории через германские населенные пункты. Народ приветствует нас вытянутой вверх рукой и криками: “Да здравствует Испания!” На всем протяжении пути народ с энтузиазмом встречает нас»⁵³.

Место первой дислокации испанских добровольцев несколько разочаровало автора дневника: «17.7 – В 9.00 осматриваем лагерь в Граффенвере. Проходим строем перед полковником Родриго. Нас назначили в комнату № 1, павильон 11-А. После этого бежим в лагерь, где пьем пиво. Остаток дня используем для оборудования жилища.

Сегодня впервые был в Граффенвере. Город скучный и маленький. Кроме пива, ничего не выпьешь»⁵⁴.

Когда читаешь эти строки, возникает чувство, что волонтеры из Испании рассчитывали отправиться не то на спортивную прогулку, не то на веселый пикник. Но немецкий порядок, тем более военный, никто не отменял. Начались тяжелые будни военной учебы.

В процессе учебы стали происходить и первые конфузы: «Сегодня вечером обнаружили, что у товарища Хосе Синтас завелись вши. Сообщили об этом сержанту. Сержант приказал ему убраться из казармы вместе со своей постелью. Но он такой жук, что не заставил себя долго ждать и вернулся снова.

В 17.00 всеобщая баня в озере. Двух товарищей вытащили полуутонувшими.

До часа ночи нес караульную службу в городе. Арестовали несколько товарищей. Кроме того, всех испанцев, которые ходят в испанской форме, заставляем носить голубую рубашку.

Любопытный случай. Один немец, разгулявшийся с испанцами, схватил со стола нож и бросился на них. В результате один наш товарищ запустил ему в голову кружку пива. Кроме

⁵⁰ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 77. Д. 32.

⁵¹ Там же. Л. 25.

⁵² Там же.

⁵³ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 77. Д. 32.

⁵⁴ Там же.

этого, было еще несколько стычек с немцами, во время которых испанцы настаивали, чтобы немцы вышли на улицу.

Стало известно, что отправляют в Испанию группу товарищей – больных венерическими болезнями.

Два товарища подрались. Получаем хлеб на завтрашний день. Ходят слухи, что из Испании придет почта, однако ее не было»⁵⁵.

Из дневника хорошо видно, что учебные будни в Германии были весьма однообразны. Его автор отмечает, как их кормили, чем они занимались, какая стояла погода.

В то время испанским солдатам казалось, что их главные проблемы заключаются в плохом питании и излишней требовательности командиров.

Двадцатые числа августа отмечены последними казусами боевой подготовки и долгожданной отправкой на фронт.

«20.8 – В 10.00 построение в полном боевом снаряжении. Полковник Эспарса производит смотр. В это время вырвалась лошадь и понеслась на строй. Два товарища испугались и уронили оружие. Полковник обозвал всех трусами и угрожал распустить батальон. В 14.30 были занятия. Командир говорил о случае, который произошел утром. У товарищей, уронивших винтовки, отобрали оружие. Командир батальона сказал, что те, кто не умеет носить оружие, будут носить метлы, – и отправил провинившихся на кухню. Это были два капрала – пулеметчики.

Вечером готовимся к отправке на фронт. Погружаем боеприпасы.

22.8 – Сегодня отправляемся на фронт. Подъем в 6.30. после того, как полковник осмотрел нас, идем пешком 15 км до станции, на которой погружаемся на поезд»⁵⁶.

Воинский состав прошел по Германии быстро и без каких-либо существенных остановок. И вот уже территория Польши. Здесь волонтерам сообщили, что у них, кроме большевиков, есть и другие враги: «23.8 – Прибыли в Хемниц. Здесь к нам прицепили платформы с артиллерией. Сегодня будем в Берлине.

24.8. – Разгружаемся в Сувалках. Разгружаем материальную часть и лошадей.

В расположение отряда прискакала лошадь. Двое товарищей от неожиданности выронили оружие. Полковник пришел в бешенство. Он назвал батальон скопищем старых баб и пригрозил его распустить.

Три товарища заходят в дом и забирают с собой различные вещи. Также отобрали у крестьян двух куриц и петуха.

31.8 – Проходим через район Сувалки. В 16 километрах от этого пункта видели моторизованную итальянскую колонну. Прошли 45 километров. Был очень изнурительный марш.

2.9 – Страшный холод. Бегаем, чтобы согреться. Полковник сегодня сказал, что мы являемся союзниками Германии, а поэтому мы должны быть врагами поляков и евреев, которые не внушают доверия и занимаются всяческим саботажем»⁵⁷.

В начале сентября случились первые стычки с местным населением. Дивизия готовилась к долгому пешему переходу по Белоруссии и России.

«3.9 – В одном доме солдат случайно выстрелил. В связи с этим поднялась перестрелка, и взвод пошел в штыковую атаку на дом. Солдат, который стрелял, арестован. Кроме того, наказаны два товарища за то, что воровали табак. Выдали по две пачки папирос и по одной сигаре. Лейтенант читал нам законы из уголовного кодекса.

⁵⁵ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 77. Д. 32. Л. 26–27.

⁵⁶ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 77. Д. 32. Л. 26–27.

⁵⁷ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 77. Д. 32. Л. 29.

8.9 – Некоторые, называющие себя товарищами (из Легиона), занимаются реквизициями лошадей. Они заставляют хозяев идти десятки километров, обещая вернуть лошадей. Сейчас их заставили сделать это. Мы возмущаемся этим постыдным фактом.

10.9 – Сегодня некоторые товарищи открыто грабили огороды. Питание с приходом капитана Гаррона улучшилось»⁵⁸.

И вот начался тяжелый трехнедельный переход.

«13.9 – подъем в 4.00. в 6.00 выступаем. Пройдя 24 километра, обедаем. На 30-м километре заночевали.

14.9 – Сегодня прошли 28 километров.

19.9 – Подъем в 3.30. Стало слишком холодно.

20.9 – Подъем в 4.00. Любуемся восходом солнца. Находимся на расстоянии 620 километров от Москвы, 1620 километров от Берлина и 102 километра от Минска.

27.9 – Подъем в 4.00. Не доходя до Москвы 465 километров, изменили направление. Идем в направлении Витебска. Ужасно холодно. Авиация красных бомбила полк “Верна”. Прошли 33 километра»⁵⁹.

В октябре 1941 г. выпал первый снег. Испанская дивизия понесла первые боевые потери и наконец вышла на линию фронта.

«6.10 – Подъем в 3.00, дошли до окрестностей Витебска. Сегодня похоронили первую жертву в нашей дивизии. Ужасный холод. Проходим через Витебск, который полностью разрушен.

12.10 – В 22.00 выгружаемся. Находимся в трех километрах от новгородской линии фронта. В последнее время получен приказ отойти в тыл к постройкам»⁶⁰.

20 сентября недалеко от Смоленска колонну испанцев перегнали машины, в которых ехал генерал-фельдмаршал фон Бок. Вид новых союзников впечатлил его не меньше, чем его командный пункт: «Моя штаб-квартира переезжает в дневные детские ясли на западной окраине Смоленска; в яслях нет детей, зато много тараканов.

По пути встретил испанскую дивизию; непривычная картина для немецкого солдата. Тут и там солдаты привязывают к лошадям или к рамам велосипедов неизвестно где добытых гусей. Их привязывают живыми вниз головой, чтобы провиант сохранялся в свежем виде как можно дольше. Лошади в дивизии находятся в плачевном состоянии»⁶¹.

В официальной истории франкистской Испании вышеперечисленные события трактовались несколько иначе. Вскоре после войны служивший в Голубой дивизии Хуан Бланко выпустил свою книгу воспоминаний, в которой писал следующее: «Поводом для ее написания послужила тоска по тем товарищам, кто был тогда с нами.

Вспоминаются наши горячие споры, тревоги, встречи. Вспоминаются город Новгород, выжженная земля Посада, печальный Отенский монастырь, камни и удивительная ледяная равнина озера Ильмень.

Мои первые впечатления о России относятся к концу 1941 года, когда я, новичок, попал туда. Они возникают в моей памяти, как отдельные яркие вспышки, которые помогают понять, что происходило тогда, так они правдивы и реальны»⁶².

Молодые испанские добровольцы ждали быстрой и легкой победы: «С наивным чванством солдаты громко пели: “Судьба России – это вопрос одного дня для нашей пехоты, но в большей степени для наших истребителей танков” (понятно, что автор служил в противотан-

⁵⁸ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 77. Д. 32. Л. 29.

⁵⁹ Там же. Л. 30.

⁶⁰ Там же. Л. 30–31.

⁶¹ *Фон Бок Федор*. Указ. соч. С. 173.

⁶² *Blanco Juan Eugenio*. Rusia no es cuestion de un dia... Madrid, 1954. P. 2.

ковом подразделении. – Б. К.). Несколько месяцев спустя их песни стали более пессимистическими»⁶³.

На победный поход против коммунистической России их настраивали командиры: «Мы собираемся в Россию. Времена нетерпения прошли, мы ликуем, что наконец-то нас отправляют. Среди добровольцев есть и кадровые офицеры, которые являются примером для рядовых этого крестового похода. Некоторые из них: Иосиф Антонио, сержант Максимино Перес – имеют военные награды.

Генерал Муньос Грандес, обращаясь к нам, сказал: “Мальчики, среди нас есть двое награжденных Военной медалью. Не будем им завидовать. Давайте жить по принципу: один за всех и все за одного. Для меня большая честь быть вместе с вами”.

И вот мы готовы к походу. Фаланга построена, зазвучал наш гимн, песня войны и надежды. Всеобщее ликование, руки женщин, протянутые к нашим голубым рубашкам, к нашим плечам, снова эмоции и прощание. И так на всем пути нашего следования, днем и ночью. Даже в маленьких деревнях люди выходят к нам навстречу. Вся Испания осознает значение нашей миссии.

Среди добровольцев всеобщее взаимопонимание, самые теплые товарищеские отношения в рамках дисциплины.

А на границе уже начинается тоска по Родине, и звучит песня: “Виват, Испания! Испания – любовь моя”. Но нет, мы не покидаем Испанию, она всегда в наших сердцах. Мы идем крестовым походом, чтобы еще более возвысить значение старой Испании»⁶⁴.

Фалангисты представляли первые дни похода на Россию исключительно в позитивных тонах: «Начало “крестового похода” не разочаровало нас: торжественное пересечение франко-германской границы, цветы, улыбки.

Мы сожалеем, что не знаем немецкого языка, и с нетерпением ждем нашего продвижения вперед. Мы с гордостью можем сказать, что Голубая дивизия полностью готова к бою...

Получая газеты из Испании, набрасываемся на них, чтобы узнать, что происходит в нашей стране.

Мы просыпаемся в шесть часов, немедленно встаем и идем в душ. Завтрак, инструктаж, перерыв, обед. Снова перерыв, инструктаж, ужин, прогулка – таков распорядок нашего дня. Мы стоим лицом на восток с поднятыми вверх руками. В лагере царит приподнятое настроение, идут откровенные разговоры. День проходит с веселыми шутками»⁶⁵.

Немецкие друзья по оружию кажутся честными и благородными. Они полностью выполняют обязательства перед своим новым союзником: «Через несколько дней мы получили хорошие новости: нам доставили автомашины, не жесткие военные, а великолепные, совершенно новые. Многие из них имели радио и отопление. Они были реквизированы у Франции.

Мы постоянно получаем почту из дома. Газеты переходят из рук в руки. Мы с нетерпением читаем грозные речи Каудильо, отмечаем, с каким интересом Испания относится к нам, чувствуем гордость за нас, за то, что мы добровольно пошли бороться с коммунизмом. В этом городе мы решили подготовиться к военной жизни, восстановить энергию физическую и моральную. Мы решили помочь мальчикам, жившим в легкомысленном Мадриде, пройти военную подготовку»⁶⁶.

Как уже отмечалось, воспоминания Хуана Бланко вышли в начале 50-х гг., в разгар холодной войны. Советский Союз по-прежнему являлся для него главным противником. Только в качестве главного союзника франкистской Испании ему виделся не Третий рейх, а другое

⁶³ Blanco Juan Eugenio. Op. cit. P. 8.

⁶⁴ Blanco Juan Eugenio. Op. cit. P. 9–10.

⁶⁵ Ibid. P. 10–11.

⁶⁶ Blanco Juan Eugenio. Op. cit. P. 12.

государство: «Обучение в Графенвере было организовано на высшем уровне. Даже сегодня эта база является передовой штаб-квартирой американских оккупационных войск в Европе. Только сейчас люди из Арканзаса, Калифорнии не воюют со сталинской ордой, не льется кровь. Вместо этого мы видим очаровательную улыбку, светлые косы, румяные щеки, озорной взгляд, тонкую талию немецких девушек. Возможно, большинство “фройляйн” сегодня уже зрелые “фрау” и вспоминают с радостью и грустью то время, когда здесь стояла дивизия испанских волонтеров»⁶⁷.

Даже первые шаги многокилометрового марша не испортили настроения испанцев: «Мы продвигаемся к России. Мы настроили себя на небольшую прогулку через Гродно, Вильно и Смоленск до Витебска. Мы шли и пели: “Мы должны пройти тысячи километров”. В июле – августе 1941 года среди нас бытовало мнение, что коммунистическая армия – “символическая”, так что мы идем просто прогуляться»⁶⁸.

В то время когда абсолютное большинство испанских солдат шли пешком, кому-то достались места в комфортабельных автомашинах. Но реалии российских дорог, а также нехватка бензина, все расставили на свои места. И трудно было понять: кому же легче? Тем, кто едет в новеньких *Peugeot*, *Hudson Terraplane* и *Renault*, или тем, у кого машин нет: «Мы устроились в наших комфортабельных машинах (немцы захватили большую часть французской автомобильной промышленности и не знали, что делать с машинами, и им ничего лучшего не пришло в голову, как оснастить ими нашу дивизию). Для английской набережной или французской Ривьеры они бы подошли, но в советской земле, где “комфорт” невозможен, они будут похоронены в снегу»⁶⁹.

Для восторженной фалангистской молодежи Россия и война оказались отнюдь не такими, как они себе представляли. Все чаще их преследовало чувство голода, все чаще они вынуждены были «забывать» о своей «великой миссии», выпрашивая и воруя продовольствие у местного населения.

Так, недалеко от Гродно «на рынке мы обменивали сахар, сахарин и нюхательный табак, который поляки желали больше всего, на яйца и кур. Когда нам не хватало еды, мы обходили близлежащие дома, чтобы найти там пищу. Некоторым это удавалось, а другие возвращались ни с чем.

Польские крестьяне прятали продукты, но находились люди, которые под нашим нажимом выдавали место, где они были спрятаны»⁷⁰.

Этот опыт «нажима на местных жителей» испанцам вскоре пригодился в России: «Так, в России в деревне Ударник мы несколько дней оставались голодными. Тогда отряд нашего квартирмейстера после короткого “интервью” с местным старшиной нашли тысячи килограммов картофеля»⁷¹.

Испанские фалангисты ждали того счастливого дня, когда они вместе с немецкими союзниками гордо пройдут по улицам Москвы. Этим мечтам не суждено было сбыться. Вместо того чтобы ввести дивизию в сражения на центральном участке фронта, ее переадресовали в группу армий «Север» генерал-фельдмаршала Вильгельма фон Лееба, отправив под Великий Новгород, на Волховский участок. Д. М. Креленко в своей статье «Краткая хроника Голубой дивизии» выражает недоумение по поводу дислокации испанского формирования: «До сих пор непонятно, зачем южан отправили на один из самых холодных участков Восточного фронта. Вероятнее всего, штабная эйфория от первоначальных успехов мешала осознанию перспектив,

⁶⁷ Ibid. P. 14.

⁶⁸ Blanco Juan Eugenio. Op. cit. P. 14.

⁶⁹ Ibid. P. 17.

⁷⁰ Blanco Juan Eugenio. Op. cit. P. 17.

⁷¹ Ibid.

а затем, учитывая сложность с зимним снабжением всего вермахта, на теплолюбивых союзников просто махнули рукой. Так или иначе, но практически все военные кампании дети солнечной Иберии провели в высоких широтах»⁷².

Но в дневнике Франца Гальдера есть ответ на этот вопрос. Уже к осени 1941 г. германское командование и Адольф Гитлер стали выражать неудовольствие из-за нарушения графика «молниеносной войны». Проблемы возникали на всех участках фронта. «День 24.9 был для ОКВ⁷³ в высшей степени критическим днем. Тому причиной – неудача наступления 16-й армии у Ладожского озера, где наши войска встретили серьезное контрнаступление противника, в ходе которого 8-я танковая дивизия была отброшена и сужен занимаемый нами участок на восточном берегу Невы. В связи с этим фюрер незамедлительно принял следующие решения:

а) доставить на самолетах группе армий «Север» 20 000 мин;

б) задержать 36-ю мотопехотную дивизию;

в) направить группе армий «Север» по воздуху парашютистов (один полк немедленно в полной готовности, другой полк – позже);

г) перебросить один пехотный полк из состава группы армий «Центр» на самолетах в группу армий «Север» (если выяснится, что для переброски нет соответствующего воздушного транспорта, нужно будет отдать приказ о перевозке по железной дороге одной дивизии из группы армий «Центр» в группу армий «Север». Для этого намечается 250-я (испанская) дивизия, которую нужно перебросить из Витебска по железной дороге с шестой скоростью (то есть по 6 эшелонов ежедневно). Прибытие на станцию Дно – между 2 и 10 октября»⁷⁴.

Запланированным срокам помешали партизанские диверсии на железных дорогах. 3 октября немецкое командование в Берлине констатировало, что в группе армий «Север» «никаких существенных изменений. Переброска испанской дивизии и 227-й пехотной дивизии несколько затягивается вследствие разрушений на железной дороге (действия партизан). Прибытие новых сил вызывает у командования группы армий колебания в отношении плана наступления»⁷⁵.

Объяснение переброски можно найти и в дневнике фон Бока: «29 сентября 1941 г. Трудности группы армий «Север» умножились до такой степени, что я вынужден передать в ее распоряжение еще и испанскую дивизию. У меня складывается такое впечатление, что русские гонку к Ленинграду выиграли. У них в этом крае разветвленная система железных дорог; мы этим похвастаться не можем, так что нашим солдатам приходится передвигаться главным образом в пешем строю»⁷⁶.

Голубая дивизия воевала с советскими войсками под Новгородом зимой 1941–1942 гг. и под Ленинградом зимой 1942–1943 гг.

Полковник вермахта Хартвиг Польшман так охарактеризовал Волховский фронт: «В течение 900 дней немецкие солдаты, а вместе с ними и испанцы, голландцы, фламандцы, датчане, норвежцы, латыши и эстонцы, вели здесь бои против сильного противника в суровых климатических условиях, преодолевая трудности местного ландшафта.

⁷² Креленко Д. М. Указ. соч. С. 47.

⁷³ От нем. Oberkommando der Wehrmacht, OKW – верховное главнокомандование вермахта, центральный элемент управленческой структуры вооруженных сил Германии в 1938–1945 гг.

⁷⁴ Гальдер Франц. Указ. соч. С. 392–393.

⁷⁵ Там же. С. 413.

⁷⁶ Фон Бок Федор. Указ. соч. С. 177.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.